

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Филипп Грбич

Писатель (Сербия)

E-mail: filip.grbic@gmail.com

Говоря о взаимоотношениях философии и литературы, необходимо прежде всего проанализировать интереснейшие черты национального характера сербов, для которых философия есть нечто скорее из области негативного душевного опыта, которым не стоит делиться с окружающими, чем свободной жизни разума. Зато сербы искони были и сейчас остаются народом поэтов. В России это не так, здесь писатели всегда предавались абстрактным размышлениям, что придавало их произведениям дополнительную глубину.

Ключевые слова: философия, литература, Момчило Баягич, менталитет, античная философская традиция, Гераклит, Платон, Сократ.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-1-90-95

Когда Марина Сергеевна Киселева пригласила меня принять участие в программе Летней школы в Сербии, она великодушно дала мне возможность самостоятельно выбрать тему и формат изложения, которые меня устраивают. Она обещала, что мы не будем заниматься ничем другим, как философствованием. Учитывая, что каждый раз, философствуя, я по-детски теряю голову от радости, хочу прежде всего поблагодарить Марину Сергеевну и Владимира Карловича Кантора за эту возможность.

Мы договорились, что будем говорить о взаимодействии философии и литературы. Я хочу вкратце изложить собственный опыт, приобретенный в ходе изучения данной области. Философствование всегда возможно только в форме разговора, но это, конечно, не означает, что каждый разговор можно считать философским.

Кстати, в сербском языке в обиходе имя существительное «философия» и глагол «философствовать» приобрели исключительно негативное, опальное значение. Человек, у которого есть проблема, жизненная или профессиональная, излагая ее во всей сложности, немедленно сталкивается с возражениями типа «не философствуй» или «брось ты эту философию». Недоверие по отношению к разуму, рефлексии, теоретическому мышлению здесь включено в повседневный язык. Наш известный поп-певец Момчило Баягич в одной из песенок, конечно, неосознанно, скицирует происхождение сербского нефилософского менталите-

та. Он поет: «Эту страну создавали воины и поэты». И действительно, история Сербии может вдохновлять невероятными воинскими подвигами, так же как и сербские поэты могут очаровывать слушателя мелодией и глубиной произведений, но вряд ли найдутся зрелые, смелые и оригинальные в области идей произведения сербских философов. Горе тому, кто философствует в стране воинов и поэтов.

Но вернемся к теме. Философия и литература — две великие словесные культуры нашей цивилизации. Возникает вопрос, является ли философия особым родом литературы. Общеизвестно, что литература, точнее, поэзия, предшествует философии, она исторически древнее. Разве первые исследователи природы, которые на берегах Древней Ионии занимались философией еще до того, как возникло это слово, не излагали свои мысли в произведениях, имевших в основном форму поэм? Остается фактом, что первая европейская строго дедуктивная метафизическая система, разработанная Парменидом, составлена в стихотворной форме — в гекзаметрах. Конечно, есть исключения. Гераклит со своими крипточескими, недостижимыми для понимания прозаическими фрагментами, наверное, самое важное среди них. Дело дополнительно осложняется подъемом софистики в V в. до н. э., когда начинается эпоха преподавателей, риториков, ораторов и публичных выступлений. В отличие от поэтов, которые произносят свои стихи, софисты начали говорить речи и соревноваться между собой. Литература получила еще один жанр — ораторский.

Платон первым постарался определить принципиальную разницу между поэзией, риторикой и философией. Поэты творят во власти божественного вдохновения, но ничего не знают о том, о чем поют. Софисты говорят убедительно и красноречиво, будучи во власти сребролюбия и честолюбия, но они также ничего не знают о предмете своих рассуждений. Философы не поют и не говорят речи, они разговаривают: одни задают вопросы, другие на них отвечают. Нет взаимного соревнования (соперничества) и трений, они руководствуются только жадной познания.

Этот общий и довольно грубый исторический экскурс необходим для подхода к поставленному в самом начале вопросу о первенстве между философией и литературой и их возможном единстве. По Платону, который в 25 лет сжег свои трагедии, написанные в юности, после того как присутствовал при разговоре с Сократом, философия и поэзия — два разных начинания: одному принадлежит знание с вдохновением, а другому вдохновение без знания. Правда, теоретическая вражда, питаемая к поэзии, не мешала Платону писать диалоги, по жанру — драматические тексты, в которых наряду с понятийными средствами он использовал и образные сопоставления, и метафоры, и сюжеты мифов. Вопреки категорически выраженной позиции в диалоге «Софист» Платон как автор три-

дцати сохранившихся диалогов не считал, что *повествование* мешает философу в попытке объявить истину о действительности. Обращается ли Платон к *прозе* тогда, когда чисто понятийными средствами не может донести истины, которые для него важны?

Проводить строгую границу между философией и литературой — неблагоприятное занятие, в особенности для российской интеллигенции. Русские писатели традиционно являются смелыми философами-визионерами. Нет сомнения, что русская литература имела огромное влияние на западную философию. Ницше в «Сумерках идолов» признавался, что Достоевский — единственный психолог, у которого он мог чему-то научиться. Менее известно, что у Мартина Хайдеггера на рабочем столе стояли две фотографии: Паскаля и Достоевского. Одним из первых решений Хайдеггера как руководителя кафедры философии во Фрейбургском университете была закупка нового издания собрания сочинений Достоевского. Сохранилось его письмо к жене, в котором он говорит, что Достоевский раскрыл ему смысл родины, лугов и полей. Каждый, кто читал Хайдеггера, знает, какое большое значение имеют родина, луга и поля для образа мысли этого немецкого философа.

Я склонен думать, что философы и писатели стоят перед одним и тем же заданием — раскрыть действительность как она есть. И те и другие в этом деле должны преодолевать сопротивление языка. Грубо говоря, философы к познанию добиваются при помощи понятий, а писатели — при помощи повествования. То, что рассказ иногда может раскрыть, и то, что понятия не могут, отлично понимал Хайдеггер, один из самых кропотливых и дисциплинированных современных философов. В его знаменитой книге «Бытие и время» изложение редко опирается на литературные основы. Однако, говоря о том, что в обществе, включая самых близких людей, принято скрывать от человека близость его смерти, Хайдеггер выражает признательность графу Льву Толстому за то, что в повести «Смерть Ивана Ильича» он этот феномен раскрыл. Мы знаем, что речь идет о литературном произведении, в котором главный герой был духовно мертв и ожил, только когда смертельно заболел, и прозрел, осознав свою конечность. Опора на прозу Толстого делает хайдеггеровский анализ убедительнее.

У Хайдеггера можно найти множество примеров, подкрепляющих «партнерство» между философией и литературой. Я приведу только один. В лекциях 1927 г., опубликованных под названием «Основные проблемы феноменологии», Хайдеггер привел цитату в объеме нескольких страниц из «Записок Мальте Лауридса Бригге» Райнера Марии Рильке. В произведении герой повествует, как смотрел на стену разрушенного дома, констатируя, что «бедную жизнь этих комнат нельзя было затоптать». По Хайдеггеру, в рильковском описании этой стены и живучей жизни, которая за нее держится, раскрывается наш, специфически

человеческий, *мир*. Благодаря прозе мы видим смерть и мир в их полноте. А это не маленькие вещи. Для Хайдеггера Толстой, Рильке (что уж и говорить о Гёльдерлине!) — иногда более важные собеседники, чем Кант, Дильтей и другие «чистые» философы.

Философия и литература, следовательно, пронизывали друг друга в Античности и продолжают пронизывать друг друга в современной философии. Границы между ними нестабильные, колеблющиеся. В случае некоторых важных произведений даже нет уверенности, идет ли речь о художественном или философском произведении. Такие произведения, как «Заратустра» Ницше или «Повторение» Кьеркегора, — это философия или литература? На белградской кафедре философии доценты спешили убедить нас, студентов, что речь идет о «поющей литературе» (даже беллетристике), несущественной для философии, которую они неосознанно превращают в служанку современной технической науки.

Теперь, наметив сходство и различие между философией и литературой, можем ли мы, как делают многие, сказать, что человек одинаково плодотворно может заниматься сочинением философских очерков, романов, поэм и драматических произведений? Так сказать, в соответствии с настроением и личными предпочтениями? Кажется привлекательным, но я искренне отвечаю: у меня не получается. В своих романах я пишу о людях, неспособных жить в соответствии с собственными идеалами. Чем привлекательнее идеалы, тем неспособнее мои герои. Такой подход читательская публика и критика в моем случае встретили положительно. Мои несостоявшиеся философы получили престижные литературные премии. В этом я вижу много иронии. Лучшие прозаические произведения посвящены *неудавшимся* жизням. Например, герои Достоевского — несостоявшиеся дворяне и несостоявшиеся студенты (русская литература вообще полна неудачников). У Мишеля Уэльбека это — неудавшиеся ученые и несостоявшиеся чиновники. Герои Шекспира — правители и принцы-неудачники. Современный норвежский писатель Кнаутор недавно более чем на трех тысячах страниц показал нам жизнь несостоявшегося писателя. А сколько в литературе неудачных браков... Если бы люди на самом деле были разумными и терпеливыми существами, живущими в добром согласии с обстоятельствами собственной жизни, — литературе нечем было бы заниматься, авторы остались бы без сюжетов, сочиняли бы исключительно гимны Богу. Эпиктет говорил ученикам, что персонажи трагедий все без исключения шуты и слепые.

Соппротивление судьбе с философской точки зрения — необъяснимо глупый поступок. Но проза продолжит разрастаться, пока есть разрыв и напряженность между действительностью и внутренним представлением, созданным человеком о действительности. Что бы люди ни делали в раю, романы они точно писать не будут.

Волей-неволей человек воспринимает облик того, о чем пишет. Тот, кто исследует неудавшиеся жизни, и сам становится неудавшимся. Постоянно у меня в уме звучит антитеза, о которой в книге «О назначении человека» писал Николай Бердяев. В этом произведении он противопоставляет этику *творчества* этике *самосовершенствования*. Творческая личность, художник оставляет без внимания свое внутреннее существо, чтобы довести до совершенства свое произведение. Бердяев, как и многие философы эпохи романтизма, обожествляет фигуру художника. Творцу позволено духовное и моральное опустошение, поскольку он осуществляет самые глубокие указания природы. С другой стороны, этика самосовершенствования делает человека бесплодным. Номинально христианин, Бердяев в этой книге заметно ближе к Ницше, чем к святому Павлу.

Для человека, который оказался философом по природному устройству, а не только по профессии или должности, написать роман — своего рода авантюра. Ведь для него философия не только теоретическая дисциплина, каталог интересных взглядов на человека, мир и Бога. Между образом мышления и образом жизни в философии существует недостаточно исследованная взаимозависимость. Цицерон использовал выражение *cultura animi*, в переводе «культивирование души». Античность оставила нам богатое и недооцененное наследие «культуры самости». Благодаря Пьеру Адо и Мишелю Фуко в последнее время общественность все больше интересуется этой важной областью. Подъем рациональной теологии на Западе ниспроверг требование к самосовершенствованию индивида и ввел вместо этого субъект, для которого его собственная структура субъективности достаточна для познания всего, даже существования Бога. Уже не ставятся никакие предтеоретические требования типа достижения добродетели, откровения или преобразования души. Западная схоластика нечаянно проложила дорогу современной науке.

Сегодня считается, что для успеха в философии достаточен академический тренинг, сводящийся к овладению умением аргументировать. Выбираете проблемную область, получаете некоторый небольшой участок в университетском владении, ментор дает вам кучу литературы, обучает вас способу составления библиографической записи и... — я что-то упустил? Осталось, что добавить?.. Вас уже приглашают на научные конференции. Если вы будете настойчивы и, по возможности, циничны, вам предстоит успешная карьера. Для меня такая ситуация в университете оказалась противной, увела в литературу. Таким образом неудавшийся философ стал писателем. Может быть, если мы опять встретимся, вы увидите несостоявшегося писателя, который вернулся в философию. Кто знает.

PHILOSOPHY AND LITERATURE

Philip Grbeach

E-mail: filip.grbic@gmail.com

Talking about the relationship between philosophy and literature, first of all it is necessary to analyze the most interesting features of the national character of the Serbs, for whom philosophy is more of an area of negative spiritual experience that should not be shared with others than a free life of reason. However, the Serbs were originally and still remain the people of poets. In Russia, this is not so; here, writers have always indulged in abstract thoughts, which has given their works additional depth.

Keywords: philosophy, literature, Momchilo Bayagich, mentality, ancient philosophical tradition, Heraclitus, Plato, Socrates.